ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ИЛЬИ БЕЛЯКОВА

В полночь в квартире Беляковых раздался телефонный звонок. Мужской голос в трубке представился командиром воинской части в Мурманске и сообщил: «Ваш сын Илья сегодня повесился». Вера закричала: «Не-е-т, не может быть!» Саша, подхватив трубку, в которой звучали все те же слова, послал звонившего в непарламентскую даль. Мир для обоих враз обрушился у самых ног.

ИЛЬЯ БЕЛЯКОВ не собирался «косить» от армии и сам решил, что будет служить, хотя в его медицинской карте значились такие диагнозы, как функциональная кардиопатия, хронический гастродуоденит с диспансерным учетом, миопия второй степени (минус пять диоптрий и тот же «Д» учет), сколиоз грудного отдела позвоночника, остеохондроз позвоночника, плоскостопие второй степени с признаками остеоартроза и т. д. Родители были уверены, что парень получит освобождение, но едва Илье исполнилось восемнадцать, повесткой и телефонными звонками из военкомата его обязали явиться на призывной пункт, напоминая об уголовной ответственности за уклонение от службы. Как объяснили матери, сын по состоянию здоровья будет служить «с ограничением». Илью направили под Москву, в Дмитровский район, в часть, расположенную в городке Орудьево, и определили в кинологическую службу, где и пролетели четыре месяца «учебки».

В августе родители приехали в часть на присягу, и мать с тревогой заметила, что, возвращаясь в строй, сын не сразу нашел свою роту. У парня ухудшилось зрение. Вернувшись в Рыбинск, Вера Олеговна направилась в военкомат. Начальник второго отдела подполковник Матвейчук удивился, узнав, что Илью еще не комиссовали. Он сказал, что отправил в часть письмо, в котором просил положить парня в госпиталь для серьезного обследования. Как рассказывал сам Илья, в госпитале не оказалось нужного врача, и с обследованием медлили. А там подступили экзамены, и было уже не до госпиталя. Земляки отдали новобранцу двух собак для службы – ротвейлера и овчарку, за которыми Илья вместе с майором из части приезжал в Рыбинск в пятидневную командировку. Парень был доволен службой, привез целый альбом фотографий.

Закончив «учебку», Илья получил распределение в Мурманскую область, в городок Гаджиево под Североморском, куда прибыл как раз в День согласия и примирения. В воинской части № 692731 матрос Беляков Илья отныне значился электриком-стрелком роты электротехнических средств заграждения и охраны подводных лодок. Было трудно, но парень не жаловался, написал родителям о том, что будет учиться прямо в части, чтобы закончить одиннадцать классов. В одном из писем домой Илья просил выслать посылку с сахаром и чаем, в другом – выслать денег, чем больше, тем лучше, но частями, понемногу. Зачем деньги, парень не объяснял – нужно, и все тут.

Ответ на этот вопрос родители узнали позже, когда в Рыбинск на побывку приехал Андрей, служивший с Ильей в одной роте. Он зашел к родителям друга 20 ноября и рассказал, что Илье в роте несладко. Илья оказался здесь единственным новичком. Уже после смерти Ильи в своем заявлении в областную военную прокуратуру на имя полковника юстиции В. Г. Ирхина и рыбинского военкома М. И. Скобелева Андрей написал: *«Слабый контроль со стороны командования части, особенно на питомнике, матросы предоставлены самим себе и используют это для издевательства над матросами более младшего возраста. Среди старослужащих имеется группа заводил, которые и поддерживают весь этот беспорядок. Среди матросов процветает дедовщина, система поборов, у матросов более младшего призыва отбирают денежное довольствие, заставляют покупать для себя сигареты, продукты, предметы личной гигиены, заставляют матросов отдавать им вещи и деньги, полученные из дома в посылках и переводами. Старшие... применяют физическую силу, заставляют выполнять физические упражнения с использованием гирь до полного изнеможения, а если отказываешься – бьют, унижают честь и достоинство, оскорбляют».*

В своем заявлении в военную прокуратуру и в разговоре с Беляковыми Андрей рассказал, что парня настолько замучили, что он пообещал: «Как только будут стрельбы и в руках окажется оружие, я их, гадов, перестреляю!» Сейчас для дедов наступила черная «стодневка», то есть до дембеля им осталось сто дней, и в это время деды просто наглеют.

Выслушав все это, Вера Олеговна в воскресенье, 24 ноября, позвонила в часть и спросила Илью, действительно ли над ним издеваются. Матрос не мог рассказать по телефону все, что хотел бы, и ответил матери коротко: «Да, мама, их много». Голос у сына был очень подавлен. А в ночь на среду Беляковым позвонил командир части Сорокин и сообщил о суициде. Вера спросила, как это случилось, убеждала его, что Илюшка никогда бы не решился на такой шаг. Командир ответил, что матрос повесился сам, на его теле нет ни единого синяка или царапины.

Тело Ильи привезли в Рыбинск только на девятый день после гибели, в деревянном ящике, который был на полметра короче Илюшиного роста. Голова и ноги были согнуты – вот уж воистину «груз 200». Родители и родственники сразу же приехали в морг. Служащие морга не разрешили отцу и матери осмотреть тело и переодеть сына в штатский костюм. Когда его переодевали, родителей и родных выставили за дверь. Но и того, что увидели они, было достаточно, чтобы понять – Илья перед смертью был избит. Темный синяк под глазом, опухоль под бровью, искусанные до крови губы, поврежденные пальцы рук. На плече – красные полосы. Об этом Беляковы и их родственники сообщили в своем заявлении в генеральную прокуратуру, в военную прокуратуру и в Российский комитет солдатских матерей. Сотрудники морга рассказали родителям, что прочие повреждения, обнаруженные на теле парня, свидетельствуют о том, что «его били, как футбольный мяч». Официальных заключений рыбинские медики не делали, поскольку уголовное дело возбуждено Мурманской военной прокуратурой, которая не давала санкций на экспертизу в Рыбинске.

Во время нашего разговора с Верой Беляковой приехал следователь из Мурманска. Он отказался сообщить подробности гибели Ильи, сославшись на тайну следствия, только подтвердил, что уголовное дело возбуждено военной прокуратурой Мурманска 27 ноября, что в рамках уголовного дела проведена судебно-медицинская экспертиза. На следствие отведено два месяца. Следователь беседовал с сослуживцем Ильи, который сейчас в отпуске. Андрей готов назвать имена дедов, издевавшихся над Ильей и другими матросами, но при условии, что не вернется в эту часть, а будет переведен в другую. Эту просьбу он указал и в своем заявлении на имя областного военного прокурора и рыбинского военкома, серьезно опасаясь за свою жизнь. В областную военную прокуратуру Андрей ездил вместе с матерью Ильи. Но там не приняли заявление, сославшись на то, что это не их епархия, что это дело рыбинского военкома, и добавили, что если парень вернется в свою часть, ничего с ним не случится. На мой вопрос, может ли Андрей рассчитывать на перевод в другую часть, следователь из Мурманска ответил, что все его опасения надуманны, что это родители нагнетают обстановку и что парню придется дослуживать еще полгода в Гаджиеве, в своей роте. 21 декабря матрос обязан прибыть в часть.

Еще не зная никаких подробностей этой трагедии, я отправилась за комментариями к рыбинскому военному комиссару Михаилу Скобелеву. Михаил Иванович просил меня ничего не писать об этой истории хотя бы еще две недели, пока не завершился осенний призыв. Зачем, мол, будоражить общественность, проблем с призывом и без того хватает.

Марина МОРОЗОВА.

На снимке: Илья БЕЛЯКОВ в «учебке» под Москвой.